

ного князя уже был установлен в княжеской усыпальнице — в «епископы» у «святей Богородици». Сообщение это органически связано с предшествующим текстом (рассказом о похоронах Владимира Васильковича), и есть поэтому все основания думать, что «летопись» так именно и начиналась — с этого сообщения. «И утолвжеса от плача, и нача (Мстислав) розсылати засаду по всим городом...», — читаем дальше (стр. 610). Почему нельзя предположить, что Мстислав, приехав во Владимир после смерти своего предшественника на владимирском столе, так и поступил, как здесь сказано: узнав по приезде о «коромоле» берестян, решил прежде всего принять срочные меры по охране своих владений, торжество же своего вокняжения отложил до «великого дня» — до пасхи? Не желая дробить уже начатого рассказа о «коромоле» берестян, летописец довел его до конца; когда рассказ был закончен,¹⁴ он с небольшим опозданием сделал то, чего не сделал раньше: сообщил о вокняжении Мстислава.

Известно о том, что литовские князья вскоре после вокняжения Мстислава передали ему Волковыйск, «абы с ними мир держал», — «вставка», по мнению В. Т. Пашуто. Опять произвольное допущение. «Вставка» эта навеяна предшествующим текстом: «мир держа (Мстислав) с околными сторонами, с Ляхи и с Немци, с Литвою» (стр. 613). В подтверждение этого последнего факта летописец и привел, конечно, сообщение о передаче Волковыйска Мстиславу.

Рассказ о распре Болеслава Краковского с Генрихом Вроцлавским и о походе Льва Даниловича на Краков и Шлезек в помощь Болеславу (стр. 614—616) — тоже «вставка», по мнению В. Т. Пашуто, прерывающая текст «княжой летописи». Только потому, что здесь речь идет о событиях в Польше? Но ведь сам же В. Т. Пашуто пишет, что в событиях этих «владимирский князь был заинтересован, поддерживая Конрада Семовитовича».¹⁵ А если так, то почему же не мог рассказать об этих событиях тот же автор, что выше писал о важной политической услуге, оказанной князем Мстиславом Конраду Мазовецкому. Рассказ в стилистическом отношении ничем не отличается от предшествующего изложения.

Как видим, нет достаточных оснований рассматривать дошедший до нас текст Волынской летописи как летописный свод. Ее «сводного» происхождения во всяком случае пока не удалось доказать ни одному из исследователей. И в этом нет ничего удивительного: метод «внутреннего анализа текста» при отсутствии каких-либо дополнительных материалов обычно не дает прочного результата и очень ограничен в своих возможностях. Волынская летопись в дошедшем до нас тексте не обнаруживает достоверных следов слайки, вставок, перегруппировки повествовательного материала. Концепция, по которой Волынская летопись — результат работы трех авторов (М. С. Грушевский) или двух (В. Т. Пашуто), текстом не подтверждается.

Есть основания полагать, что Волынская летопись от начала до конца — труд одного и того же автора. Хлебниковский и Ипатьевский списки относительно точно воспроизводят ее первоначальный текст. Об одной руке свидетельствуют как содержание летописи, так и весь ее литературный строй.

По наиболее вероятному предположению,¹⁶ летопись Данила Галицкого в дошедшем до нас тексте обрывается рассказом о походе Бурандая в 1258 г. на Литву. Действительно, после слов Данила сыновьям Льву

¹⁴ О конце рассказа ясно свидетельствует его заключительная фраза: «А вписал есмь в летописець коромолу их» (стр. 613).

¹⁵ В. Т. Пашуто. *Очерки...*, стр. 132.

¹⁶ Л. В. Черепнин. *Летописец Данила Галицкого Исторические записки*, № 12, 1941, стр. 228—229.